

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики её преподавания

**Специфика бытования уральской былички: региональный
аспект литературного образования**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
Допущена к защите
Зав. кафедрой

06.02.2020

Исполнитель: Мардер
Елена Валерьевна обучающийся
группы ФРИЛ-1501z

Научный руководитель:
Ложкова Татьяна Анатольевна,
доктор филологических наук,
профессор

Екатеринбург 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СИСТЕМА ОБРАЗОВ В УРАЛЬСКОЙ БЫЛИЧКЕ	12
1.1. Традиционные мифологические персонажи в уральской быличке	12
1.2. Былички о колдунах и колдуньях	22
1.3. Персонажи из потустороннего мира	27
ГЛАВА 2. НОВАЦИИ В УРАЛЬСКОЙ БЫЛИЧКЕ	38
2.1. Изменения в образах традиционных мифологических персонажей	39
2.2. Размывание установки на достоверность	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	47
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	50

ВВЕДЕНИЕ

В системе жанров народной несказочной прозы быличка занимает особое место, требуя отдельного подробного изучения, четкого определения и понимания ее жанровой природы, назначения и функций. Будучи «живым», довольно активно бытующим жанром, быличка является собой «подвижный» материал, а потому нуждается в изучении как в диахронном, так и в синхронном аспектах, что создает дополнительные сложности для специалистов.

Осмысление устных суеверных текстов в отечественной науке происходило неравномерно и непоследовательно. Материал мифологических сюжетов долгое время копился, совершались первые попытки его систематизировать в словари славянско-русской мифологии. В 1767 г. М.Д. Чулков издал «Краткий мифологический лексикон», а затем в 1782 г. «Словарь русских суеверий», в которых попытался систематизировать известный на то время материал. Традицию издания подобных словарей продолжили М.В. Попов («Описание древнего славянского языческого баснословия...», 1768г.), А.С. Кайсаров («Славянская и российская мифология», 1810 г.), Г.А. Глинка. Как отмечает Криничная Н.А., все эти издания «черпают материал главным образом из различного рода письменных источников, а не из бытующей в то время живой традиции, как хотелось бы» [Криничная 2004: 14]. Внимание в этих работах главным образом сосредоточено не на персонажах «низшей демонологии», а на дохристианских богах. Именно названные издания послужили отправной точкой в исследованиях мифологических образов. Поэтому фольклористы располагают материалами, в той или иной мере фиксирующими состояние былички, лишь начиная приблизительно с конца XVIII века. Мы не имеем

возможности восстановить «утраченные элементы» сюжетов или образов в их историческом развитии с самого момента их первого появления [Криничная 2004: 14].

Следующий этап в развитии изучения мифологических рассказов приходится на 30-40-е гг. XIX века. Особо значимы имена И.П. Сахарова, А.В. Терещенко, И.М. Снегирева, которые в своих работах упоминают о «характере того или иного мифологического существа», но уже в контексте с крестьянским бытом, обрядами, теми или иными верованиями и поверьями. Уже в публикациях В.И. Даля мы можем наблюдать записи фольклорных текстов о домовых, водяных, русалках, ведьмах, знахарях, оборотнях и прочих. Стоит заметить, что записывались они «в живой традиции», что придает данному материалу особую ценность.

Большая заслуга в исследовании и истолковании мифологических образов принадлежит А.Н. Афанасьеву, который создал концепцию, согласно которой возникновение мифологических персонажей обуславливается культом природных стихий.

В конце XIX века было создано «Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенищева», благодаря деятельности которого было накоплено большое количество фольклорного материала, посвященного быту и культуре крестьян. С.В. Максимов в своей работе «Нечистая, неведомая и крестная сила» собрал и обобщил весь накопленный бюро материал и включил в издание свой, собранный им у живых носителей традиции. Далее последовали не менее значимые труды Н.Е. Ончукова, Б.М. и Ю.М. Соколовых и др.

В первые десятилетия XX века «мифологические рассказы постепенно приобретают статус самостоятельного фольклорного жанра» [Криничная 2004: 17]. Исследователь указывает, что именно в это время утверждается в научном обиходе термин «быличка», оформляется представление о ней как о самостоятельном жанре народной прозы.

Одно из наиболее глубоких теоретических осмыслений жанровой специфики былички было предложено Э. В. Померанцевой в исследовании «Жанровые особенности русских быличек» (1968 г.) и ряде других работ.

Как отмечает исследовательница, слово «быличка» используется в народной среде наряду близкими по значению словами «бывалка», «бывальщина», «былица» для обозначения историй, воспринимающихся исполнителями и слушателями как «сбыточный», «несказочный», т. е. правдивый, рассказ [Померанцева 1985: 174]. Еще Б. и Ю. Соколовы в свое время указывали, что утверждают, что термин «быличка» использовался белозерскими крестьянами для обозначения «небольших рассказов о леших, домовых, чертях и чертовках, полуверицах, колдунах - одним словом о представителях темной, нечистой силы» [Ончуков 1909: 21]. Н.Е. Ончуков, давая характеристику суеверных рассказов, бытующих среди населения Севера, отмечает их близость рассказам, зафиксированным братьями Соколовыми: «...есть рассказы из области чудесного, преимущественно касающиеся верований в невидимый мир, злых или безразличных к человеку духов, чертей, леших, водяных и проч.» [Ончуков 1909: 21]. Н.И. Кравцов особо подчеркивает ярко выраженный религиозный характер таких рассказов, по его словам, былички отражают народные представления о сверхъестественных силах, вмешательстве в жизнь людей существ из «низшей народной демонологии или религии христианского бога» [Кравцов 1971: 137-139]. Именно религиозный характер былички определяет ее главное отличие от такого жанра сказочной прозы, как предание.

Более точно локализует быличку в содержательном В.Я. Пропп: «Это рассказы, отражающие народную демонологию. В большинстве случаев это рассказы страшные» [Пропп 2003: 60]. Таким образом, исследователь выделяет суеверные рассказы о языческих демонах в отдельную жанровую группу. С ним солидарна Э.В. Померанцева, фиксирующая древнюю, языческую мифологию в качестве основы быличных сюжетов: «Они темны,

мрачны, тягостны. В них ужас перед потусторонним миром» [Померанцева 1975: 22]. Н.А. Криничная Н.А. также утверждает, что «архетипы мотивов», реализующиеся в быличках, восходят своими корнями к древнейшей мифологии [Криничная 2004: 13]. Отсюда определение, которое представляется нам наиболее точным: «Былички – мифологические рассказы, основанные на вере в возможность инкарнации потусторонних мифических существ в условиях сакрального хронотопа и явление их из «того» мира в «этот» либо наоборот, проникновение людей в мир духов» [Криничная 2004: 12]. Именно на это понимание былички мы будем опираться в дальнейшем. В быличках, как и сказках, присутствует элемент двоемирия, происходит столкновение человека со сверхъестественным, ему открывается потусторонний загадочный мир демонических существ. Но если в сказке этот мир воспринимается изначально как волшебный, вымышленный, то в случае с быличкой мир этот всегда предстает убедительным и реальным, что определяет ее главную задачу - «доказать, утвердить, подкрепить то или иное верование» [Померанцева 2003: 290].

Былички представляют собой небольшие рассказы о встрече человека со сверхъестественным и носят характер своеобразного свидетельского показания [Померанцева 2003: 288]. По тематическому содержанию они делятся на циклы. Померанцева Э.В. делит былички и бывальщины на три основных цикла. Первый о духах природы, второй о духах домашних и, наконец, третий о черте, при этом она указывает на особенность этой группы, «сложную по своему генезису и противоречивую по существу» [Померанцева 1985: 175]. В свою очередь каждая группа или цикл претерпевают еще одно деление. Так, цикл о духах природы включает в себя рассказы о лешем, водяном, русалках, горных духах и т.д. Цикл о домашних духах представлен рассказами о домовом, овиннике, баннике и т.д. Перед нами предстает довольно обширный тематический круг быличек. Исходя из жанровой задачи, особую роль играет атмосфера, особый психологический

настрой, predeterminedенный мистическим содержанием. Сюжеты быличек обладают не меньшей спецификой. Суть их заключается в столкновении человека с представителем нечистой силы, все происходящее напоминает страшный сон, случай этот навсегда меняет нормальное повседневное течение жизни человека, столкнувшегося с потусторонним миром: «После встречи с лешим, русалкой, водяным, хозяином земных недр человек начинает задумываться, становится мрачным, угрюмым, чахнет, пропадает или даже гибнет» [Померанцева 1985: 181]. Зачастую встреча эта вызвана вторжением человека в таинственное место, оберегаемое зловещим духом: «Место действия обычно уединенное, пустынное место, кладбище, болото, берег реки, Мельничная плотина, заброшенная шахта» [Померанцева 1985: 181]. Рассказчику очень важно подчеркнуть зловещую обстановку. Пейзаж, как правило, мрачный, таинственный. В этом вопросе особую ценность представляет работа Н. А. Криничная Н.А. в работе «Крестьянин и природная среда в свете мифологии», подробно описывает значение тех или иных природных локаций. Прежде всего, это лесное пространство. Лес «различается как бы на две стороны, одна – эта, наша, домашняя, иногда правая – относящаяся к освоенной части леса... Противоположная сторона – друга/другая, обратная, подчас левая, лесная - представляет параллельный, в буквальном смысле слова потусторонний мир». Важно отметить, что лес в быличках обычно темный, дикий, старый, непроходимый, дремучий. [Криничная 2011: 47]. Горы, скалы, камни «маркирует иное пространство», играют роль «границы между мирами» [Криничная 2011: 54]. Попав в эти локации, герои часто начинают плутать. Аналогичный смысл получают образы болота, реки, озера, берега, дороги, тропы, развилки и т.д.

Таким образом, природная среда служит не только фоном для создания зловещей атмосферы, но и является центральной точкой художественного мира. Именно здесь происходят события былички – встреча с

представителем нечистой, сверхъестественной силы, пейзаж предопределяет развитие сюжета.

Портрет демонического существа обычно строится по одному какому-нибудь признаку, четкого, детального описания образа представителя нечистой силы в быличках мы не найдем. Как справедливо отметила Померанцева Э.В., «рассказчик не называет того, кто ему встретился, он упоминает только, что кто-то захохотал, загремел, застучал, мелькнул над рекой, прикоснулся к нему лохматой шерстистой лапой, захлопал в ладоши и т.д.». [Померанцева 1985: 181]. Таким образом, в быличке, следуя традиции повествования о страшном, сохраняется загадочность, таинственность увиденного. Абстрактный портрет позволяет слушателю задействовать свое воображение, мысленно создавая законченный образ демонического существа. Имя нечистого не называется, оно под запретом, узнавание существа происходит преимущественно по выдающемуся его признаку, который не оставляет у слушателей сомнений, что встреча произошла, к примеру, с лешим или русалкой.

Композиционно быличка представляет лаконичный, одноэпизодный рассказ, не усложненный детализированным описанием зрительных образов. Начинается повествование с одного-двух вводных предложений, определяющих место локации, самого рассказчика, после чего быличка достигает кульминации. Рассказчик выступает как свидетель, от лица которого не только идет повествование, но и сообщаются впечатления и переживания, которые испытал герой при столкновении с различными представителями народной демонологии. Исполнитель былички, как правило, получил сведения о встрече либо от непосредственного ее участника (очевидца), либо сам стал участником встречи (тогда финал оказывается благополучным), либо опирается на общеизвестную информацию («вся деревня знает»). Тем самым усиливается эффект полной правдивости сообщаемого.

Таким образом, быличка представляет собой весьма простой по композиции и структуре рассказ, с незамысловатым сюжетом, главными персонажами которого являются сам рассказчик или свидетель, и представитель нечистой силы. Особую роль играет пейзаж, колористика зловещих мест определяет и задает тон таинственному и страшному повествованию. Актуальность подобных рассказов не заставляет сомневаться в том, что интерес людей к непознанному, загадочному, мистическому предопределяет появление быличек. Стремление найти объяснение каким-то явлениям в природе, в быте, различным аномалиям формирует ее функцию. Быличка основывается на древнем анимистическом восприятии действительности: все пространство одушевлено, каждый уголок окружающего и освоенного человеком мира имеет своего «хозяина» (духа). Вступая на территорию, подконтрольную определенному духу, человек должен устанавливать с ним добрососедские или нейтральные отношения.

Будучи древним жанром, быличка в процессе своего бытования претерпевала изменения. Под влиянием исторически сложившихся обстоятельств менялось мироощущение и миропонимание людей, что находило отражение в фольклорной традиции. Отсюда возникает проблема современного состояния жанра: насколько он близок своей древней первооснове, каковы изменения в его художественном мире, поэтики, обусловленные изменениями образа жизни его носителей. Вопрос современного бытования быличек был рассмотрен Э. В. Померанцевой и Н. А. Криничной.

Так, Н. А. Криничная отметила проникновение в художественный мир современной былички персонажей, характерных для других жанров, в частности, сказки. По ее мнению, это обусловлено их первоначальным мифологическим родством: «В каждом из названных жанров, взятом в отдельности, сохранились древнейшие следы их первоначального, коренящегося в мифологии родства. Эта исконная нерасчлененность

протоэпических форм отчасти удерживается до сих пор в фольклоре народов, сравнительно недавно находившихся на ранней ступени общественного развития» [Криничная 1987]. Можно предположить, что нерасчлененность форм фольклора характерна не только для его первоначального, древнейшего состояния в связи с генетической связью фольклора с мифологией, но является особенностью и его современного бытования, поскольку именно в таком нерасчлененном виде фольклорные мотивы, сюжеты и образы представлены на ментальном уровне – в сознании носителей традиции.

По мнению Э.В. Померанцевой, «современные записи фиксируют былички на спаде и сплошь и рядом не дают материала для анализа “подлинной былички”, не утеревшей своей связи с народным верованием, т.е. своего жанрового своеобразия» [Померанцева 1975: 22]. Исследователь приходит к выводу, что былички, как и все фольклорные жанры «живут в динамике, постоянно изменяются, с течением времени меняют свои основные тенденции и свою функцию, потому мы вынуждены постоянно учитывать их перманентную трансформацию» [Померанцева 1975: 22]. Это замечание кажется нам убедительным. Действительно, под влиянием исторически сложившихся процессов происходят существенные изменения социальных и культурных условий, вследствие чего «влекут за собой и изменения в народном поэтическом творчестве, в его репертуаре, системе образов, функций» [Померанцева 1975: 22]. Отсюда – **актуальность** нашего исследования.

В своей работе мы рассматриваем проблему регионального бытования былички, **объектом** нашего исследования являются тексты, записанные на территории Урала в период с 1979 - 1985 студентами УрГПУ. Материал, представленный в нашем исследовании, был собран в процессе экспедиций в различные районы Свердловской области в рамках учебной фольклорной

практики. **Предмет** нашего исследования – динамика жанра былички на Урале.

Мы ставим перед собой **цель** – рассмотреть специфику бытования былички в уральском регионе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать существующую на сегодняшний день научную литературу, посвященную изучению жанра былички;
- систематизировать материал фольклорных текстов сказочной прозы в записях из архива Уральского Государственного Педагогического университета;
- проанализировать художественные особенности современной уральской былички в аспекте их соотнесенности с традиционной жанровой моделью.

Методологической базой данной работы послужили труды известных исследователей и собирателей фольклора: А.А. Афанасьева, В. П. Аникина, В. М. Гацака, Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа. В понимании специфики жанров сказочной прозы мы опирались на работы С. Н. Азбелева, В. П. Аникина, Н. А. Криничной, В. П. Кругляшовой, А.И. Лазарева, Т. Г. Леоновой, Э. В. Померанцевой, Н.И. Кравцовой, В.П. Морохиной, И.А. Голованова. Каждый из этих талантливых исследователей внес огромный вклад в развитие русского фольклора.

В процессе анализа мы опирались на сравнительно-исторический и системно-структурный **методы** исследования.

Практическая значимость нашей работы заключается в возможности использования ее материалов в процессе изучения устного народного творчества в средней школе и вузе.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ОБРАЗОВ В УРАЛЬСКОЙ БЫЛИЧКЕ

1.1. Традиционные мифологические персонажи в уральской быличке

В данном разделе мы рассмотрим систему образов, характерных для уральской былички в ее соотнесенности с уходящей в древность традицией.

Прежде всего, следует рассмотреть вопрос о степени близости персонажей современной былички образам, характерным для традиции.

К таковым мы относим, прежде всего, персонажей мифологических, в качестве которых выступают демоны низшего уровня (демоны, духи, живущие рядом с человеком). В русской быличке это домовый, леший, банник, овинник, русалка и т.п.

В проанализированных нами записях быличек частотность сюжетов о встрече с низшими демонами достаточно высока, однако состав персонажей довольно узкий: это *домовой (8 рассказов)*, *лешачиха (8 рассказов)*, *леший (7 рассказов)*. Не зафиксированы сюжеты о встречах с такими традиционными для общерусской традиции персонажами, как банник, овинник, кикимора. Единичны рассказы о встрече с русалкой.

Сюжеты о домовом

Домовой является одним из самых популярных персонажей среди домашних духов. В словаре Славянской мифологии, домовый – это «домашний дух, хозяин и покровитель дома» [Адамчик 2010: 209].

Очень подробно описан домовый у В.И. Даля («О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» (1845-1846)). Наименований у него много: «Домовой, домовик, дедушка, старик, постен или постень, также лизун, когда живет в подполье с мышами, — а в Сибири суседко» [Даль: <http://www.bibliotekar.ru/dal/2.htm>]. Нужно отметить, что наименование «суседко», встречается и в уральских быличках.

В уральских быличках можно выделить несколько мотивов:

- домового зазывают в новый дом;
- домовый плетет косы лошадям;
- домовый душит.

Домового зазывают

Сюжет быличек данной группы сводится к единой схеме. Человек хочет удостовериться в присутствии домового в своем доме, и для этого, при помощи специального «ритуала» вызывает его. Может быть описан сам ритуал: «*Зажгли свечу длинную, поставили ее в стакан с водой, а стакан на зеркальце. Ну и сказали заговор-то*» (Невьянский район, с. Быньги, 1987 г., шифр 87-23, Казанцева Анфиса, Ивановна).

В другом случае, домового вызывали следующим образом: «*Возьмем со всего дому мусора и наметим в один угол, веник рядом поставим...*» (Невьянский район, с. Быньги, 1987г., шифр 87-23, Казанцева Анфиса, Ивановна).

Домовой душит

Наиболее частотная группа. Образ домового представлен в этой группе как капризный и опасный для людей сосед, который досаждаёт людям своим беспокойным нравом.

Действие, которое домовый совершает в отношении человека, носит агрессивный характер: *«подошел и навалился сверху. Душит»* (Свердловская область, п. Шиловка, 1981 год, шифр 81-63, Дегтярева Агафья Парамоновна); *«и на меня ногой наступил кто-то»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 79-2, Ждановских Геннадий Иванович), *«ползет кто-то... вот уже дышать нечем»* (Невьянский район, п. Верх-Нейвинск, 1981 год, шифр 81-47, Новикова Татьяна Егоровна).

Защитой от воздействия домовых служила, в одно случае, молитва: *«сказала «Аминь» - душить перестал»* (Свердловская область, п. Шиловка, 1981 год, шифр 81-63, Дегтярева Агафья Парамоновна); *««Аминь» - подумал раз и соседко сполз, сразу пропал»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 79-2, Ждановских Геннадий Иванович); в другом, следовало произнести следующую фразу: *«На худо ил на добро»* (Невьянский район, п. Верх-Нейвинск, 1981 год, шифр 81-47, Новикова Татьяна Егоровна).

Домовой плетет косы лошадям

Третьим по частотности среди суеверных рассказов о домовых является сюжет о плетении лошадям кос. Как правило, в таких рассказах фиксируется не сам момент встречи с демоном, а момент утреннего обнаружения результатов его ночной деятельности: *«Домовые есть. У меня отец бывало расчешет волосы лошади, а утром рано придет, а у нее косы заплетены...»* (Невьянский район, с. Быньги, 1983 г., шифр 81-15, Камаева Зинаида Львовна); *«утром расчешешь гриву коню – день нормально ходит... соседко бегают и косу заплетают...»* (Свердловская область, г. Ревда, 1983 год, шифр 83-94, Бороздин Федор Ларионович).

Судя по тому, что домовый проявляет себя исключительно в отношении животных (лошадей), можно говорить о том, что в зону активности домового, входит конюшня.

В целом в быличках домового, как правило, не наносит ощутимого вреда ни животным, ни человеку, что говорит о его добродушном характере. Однако мотива помощи домового семье в проанализированных нами быличках не зафиксировано. Очевидно, человек не доверяет домовому, видит в нем не столько доброго домашнего духа, сколько соседа, присутствие которого приходится терпеть: в целом он не особенно опасен, но может пошалить, досадить. Его действия никак не мотивируются, по-видимому, они представляются непредсказуемыми. Поэтому человек относится к домовому с некоторой настороженностью.

Как правило, домового обнаруживает себя ночью, когда человек спит. Встреча с ним происходит всегда неожиданно: *«вдруг зафыркает, замурчит в углу»* (Невьянский район, с. Быньги, 1987 г., шифр 87-23, Казанцева Анфиса, Ивановна).

Подробного портрета домового в быличках нет. Упоминаются лишь некоторые особенности его внешнего облика: *«следы большие, как будто ногами босыми по потолку бегал...»* (Невьянский район, с. Быньги, 1987г., шифр 87-23, Казанцева Анфиса, Ивановна); *«ногтем своим зачеркнет...»*, *«зафыркает, замурчит»* (Невьянский район, с. Быньги, 1987г., шифр 87-23, Казанцева Анфиса, Ивановна); *«мягкий такой, чувствую мех»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 79-2, Ждановских Геннадий Иванович); *«чую лапа, мягкая такая, серая и большая», «топают словно рота идет»* (Невьянский район, п. Верх-Нейвинск, 1981 год, шифр 81-47, Новикова Татьяна Егоровна). По-видимому, рассказчикам облик демона не вполне ясен. Он обладает, с одной стороны, некоторой антропоморфностью (оставляет после себя человеческие следы, может топтать, обладает ногтями), а с другой стороны, для него характерны зооморфные черты (может «замурчать» и «зафыркать», мягкий, у него есть мех, большая серая лапа – черты, сближающие домового с домашней

кошкой). Домовой - всегда персонаж мужского пола, большого размера, он, вероятно, обильно покрыт волосами.

Сюжеты о лешачихе

Лешачиха – персонаж, весьма характерный для уральской былички. Выделяются несколько распространенных на территории Урала сюжетов:

- лешачиха расчёсывает волосы у реки;
- лешачиха приходит за своим гребнем;
- лешачиха ночует в избе.

Особенностью сюжетов о лешачихе является заметная акцентировка рассказчиками деталей ее внешнего облика. Это всегда особь женского пола с длинными волосами – такую характеристику мы встретим в каждом рассказе. Интересны для анализа следующие описания: *«черная-пречерная тетенька... волосы до колен»* (Свердловская область, с. Быньги, 1981 г., шифр 81-13, Плохих Марфа Трофимовна); *«зубы у этой женщины большие, глаза страшные... зеленые волосы»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна); *«страшная такая, черная, волосы длинные и черные»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Бороздина Фекла Иосивна); *«очень крупная, смуглая, черная...»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 79-2, Ждановских Геннадий Иванович). Таким образом, можно говорить о некоторой устойчивости облика лешачихи: это крупная смуглая женщина с длинными черными или зелеными волосами, большими зубами, «страшными» глазами. В целом облик лишен женской привлекательности.

Встречается лешачиха преимущественно ночью, в редких случаях рано утром. Место ее обитания так же сводится к одной локации – у воды (река, озеро, болото). Записана быличка, в которой лешачиха встретила человека на дороге: *«дорога под гору шла... вдруг гора повалилась и вышла*

женщина...» (Свердловская область, с. Быньги, 1981 г., шифр 81-13, Быкова Вера Семеновна).

Мы рассмотрели общие моменты, выделяемые в рассказах о лешачихе. Теперь стоит более подробно проанализировать основные ситуации, лежащие в основе сюжетов о лешачихе.

Лешачиха расчёсывает волосы у реки

В данной группе быличек рассказчик становится свидетелем того, как на берегу реки или озера сидит женщина, расчесывая волосы: *«сидит на плоту, гребнем волосы чешет...»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна); *«сидит и волосы чешет...»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Бороздина Фекла Иосивна); *«ночью выходила на плотик женщина, волосы длинные-длинные...она их расчесывала»* (Невьянский район, с. Быньги, 1981 г., шифр 81-15, Соловьева Мария Павловна). Нужно отметить, именно обстоятельство встречи и внешний облик лишачихи создает таинственную и устрашающую обстановку. На этих деталях сказитель особенно заостряет внимание, приговаривая: *«страшная-престрашная сидит...испугалась я...»* (Невьянский район, с. Быньги, 1981 г., шифр 81-13, Плохих Марфа Трофимовна); *«бабища в воду бахнулась. Господи Иисусе! Побежала скорей домой!»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-7, Данилова Мария Куприяновна).

Поведение лишачихи в момент встречи с человеком во всех проанализированных быличках носит одинаковый характер. Увидев человека, она незамедлительно бросается в воду: *«увидит, упадет в воду, вода от нее мутится и круги идут»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Бороздина Фекла Иосивна); *«увидела его и в воду, одни зеленые волосы мелькнули»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна).

Никаких последствий для человека, встретившегося с лишачихой, не было отмечено.

Следует особо остановиться на двух сюжетах, зафиксированных лишь один раз.

Лешачиха ночует в избе

Данный сюжет мы находим лишь в одной быличке, записанной в г. Верхний Тагил, в которой лешачиха принимает совсем иной облик: *«что-то мохнатое...»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 79-2, Ждановских Геннадий Иванович).

Действие демона отличается стремительностью и немотивированностью: *«из-под лавки вылезло... да как кинется в дверь...»*. Прежде всего, обращает на себя внимание обозначение пола: если в приведенных выше текстах лешачиха однозначно представлялась существом женского пола, что в данном тексте обозначение колеблется между средним полом (*«что-то», «вылезло»*) и женским (*«видно лешачиха в избе ночевала»*). Облик демона предельно неясен – *«что-то мохнатое»*. Относится ли определение *«мохнатое»* к волосам, или это шерстяной покров на теле – неясно. Не проявлена четко ни антропоморфность, ни зооморфность персонажа. Неуверенность звучит и в конечном выводе, сформулированном в форме предположения: *«видно лешачиха в избе ночевала»*. Рассказчик не уверен в том, что существо, которое он видел – именно лешачиха. Место встречи с демоном (изба) не типично для сюжетов о лешачихе. Отмеченные нами противоречия, как и неуверенность рассказчика, ставят данный текст особняком в общей группе быличек о лешачихе.

Лешачиха приходит за своим гребнем

Сюжет, как и в предыдущем случае, зафиксирован лишь в одном суеверном рассказе о том, как ночью к девушке приходит лешачиха забрать свой гребень, который был подобран той самой девушкой.

Описание внешности лешачихи отсутствует. Особенность данного текста заключается в том, что придя в дом к человеку, лешачиха вступает с ним в диалог: *«Зачем взяла мой гребень? Раскатаю твою избу»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-7, Данилова Мария Куприяновна). Получив желаемое, она оставляет человека в покое.

Сюжеты о лешем

Леший – еще один репрезентативный для уральской былички персонаж. Отличительной чертой его является многоликость. В уральских быличках находим следующее описание внешности лешего: *«мужик вровень с лесом»* (Свердловская область, с. Быньги, 1981 г., шифр 81-13, Плохих Марфа Трофимовна); *«мужик без бровей, ноги в бахилах»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-33, Ярушина Таисия Ивановна); *«...ноги лошадиные, а тело человека и как будто прикрыто плащом... шагнет, да за целый километр...»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-35, Попова Екатерина Ивановна); *« ... в лесу дак с травку...видать его в том месте человеку не дадено, только лошадь видит»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Попов Петр Гаврилович). Как видим, в одном случае, «хозяину» леса принадлежит целый ряд зоантропоморфных и гиперболических признаков, из которых складывается то образ великана, то образ крошечного, не видимого человеческому глазу существа.

Суеверные рассказы о лешем представлены рядом сюжетов:

- леший сбивает человека с дороги;
- леший ворует животных;
- леший выводит человека из леса.

Леший сбивает человека с дороги

Леший любит морочить голову и сбивать с пути встретившихся ему людей, путая тропы и начиная водить их кругами. Этот сюжет является самым распространённым в проанализированных нами записях быличек.

Встреча с лешим всегда происходит в лесу. Функцией лешего является защита леса – своей территории. Подчас он не позволяет человеку пересекать свои владения. Для того, чтобы прогнать путника, лесной дух начинает его пугать: *«как захохочет на весь лес...»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1981 г., шифр 81-32, Суворова Полина Фроловна).

Если человек не реагирует на предупреждающие действия лешего, он начинает «водить кругами»: *«водил, водил и завел в самую глушь... а сам как захохочет...мужик испугался...выбежал на дорогу»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1981 г., шифр 81-32, Суворова Полина Фроловна); *«как шагнет...потом склонился...трава ноги сплетает... леший-то заблудил нас»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1981 г., шифр 81-35, Попова Екатерина Ивоновна); *«сзади скачет кто-то... схватили ее... затащили в телегу. Накатали по всем полям»* (Шалинский район, д. Крюк, д. Платоново, 1983 г., шифр 83-3, Солодова Зоя Ивановна). Стоит отметить, что рассказчики не могут объяснить, каким образом они избавляются от лешего. Исчезает он так же неожиданно для человека, как и появляется. Это может быть связано с тем, что прогнав путника из своих владений, лесной дух отступает.

Появление лешего зачастую сопровождается появлением ветра: *«ветер поднялся, березы качаются...»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1981 г., шифр 81-35, Попова Екатерина Ивоновна).

Леший управляет животными

Важно отметить, что леший не ворует животных, а управляет ими, что, следуя общерусской традиции, естественно для него – он хозяин животных, может их пасти, перегонять и т.п.

Один из менее распространённых сюжетов среди общей группы суеверных рассказов о лешем.

Несмотря на схожий сюжет, обстоятельства встречи с лесным духом и сам его облик существенно отличаются. В одном случае, человек своими глазами видит как *«идет мужик вровень с лесом и коней гонит»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Попов Петр Гаврилович); в другом случае, человек упомянув лешего в разговоре, тут же сталкивается с его проделками, причем облик лешего не визуализируется: *«корова у нас во дворе...как побежала, с теленком вместе... видно, лешего-то и призвал...»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Попов Петр Гаврилович).

Леший выводит человека из леса

Данный сюжет встречается лишь в одной быличке, записанной в селе Афанасьевском. Стоит отметить, что это единственный случай, в котором леший вступает в диалог с людьми и предстает положительным персонажем. Предстает лесной дух в данном рассказе в человеческом облике: *«мужик без бровей, ноги в бахилах»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-33, Ярушина Таисия Ивановна). Распознали лешего некоторые детали: *«путь, который они шли 3 дня, прошел за день... вывел из леса... исчез»*. Таинственное его появление и исчезновение можно назвать еще одной особенностью образа лешего.

Образ лешего в мифологической традиции зачастую неоднозначен. Это дух, который может принимать тот или иной облик, как человеческий, так и звериный, может быть невидим для глаз человека. Он враждебен к человеку, вторгающемуся на его территорию, но предпочитает мягкие меры воздействия, так или иначе побуждая человека покинуть лес. Но в единичных случаях проявляет себя как персонаж, помогающий

заблудившемуся человеку найти дорогу к дому. Но во всех случаях человек должен из леса уйти.

Таким образом, мифологические персонажи, обитающие в одном мире с человеком, тем, не менее, обладают каждый своей, довольно четкой территорией (лес у лешего, особые укромные углы дома у домового, река у лешачихи), охраняют ее, стараются не допускать на нее человека и наказывают его за вторжение. Отношения между демонами этой группы и человеком можно охарактеризовать как более или менее мирное сосуществование при условии невмешательства в дела каждой из сторон. Нарушение этого условия наказывается, но не жестко. В целом, былички такого типа вполне традиционны, специфичен для региона лишь набор персонажей: он ограничивается тремя ведущими образами.

1.2. Былички о колдунах и колдуньях

В данном разделе в центре нашего внимания находится группа быличек, рассказывающих о взаимоотношениях с персонажами, которые, являясь людьми, живут в и функционируют в обыденном человеческом пространстве, но способны своими магическими действиями повлиять на реальность, как правило, негативно – колдуны, колдуньи, ведьмы. Нужно отметить, что вера в колдовство отличается большой устойчивостью. Об этом свидетельствуют многочисленность сюжетов о колдовстве. «КОЛДУНЫ, ведуны, ведьмаки, кудесники, чаровники, чернокнижники, в русских средневековых источниках — волхвы, в мифологических представлениях славян и др. народов люди, наделённые

сверхъестественными способностями влиять на жизнь человека и явления природы (ср. Ведьмы). Считалось, что К. наводят порчу на людей и скот (порчельники), сеют раздоры между людьми, делают заломы в поле, губя урожай, насылают непогоду, мор и т. п. »[Мелетинский 1990: 122]. Былички данной категории рассказывают о встрече с человеком, наделенным сверхъестественными способностями, влекущими за собой необратимые последствия. Для обычного человека эта встреча приносит несчастье, болезни, потери и даже смерть, и лишь в редких случаях удастся избежать утраты. Описания внешности колдунов и ведьм в уральских быличках нет, поскольку рассказчикам они интересны только в аспекте выполнения ими колдовских функций. Это обычные люди, которые ведут простой и привычный образ жизни, но обладают сверхъестественными способностями перевоплощения, умеют насылать порчу, снимать сглаз и т.д. Распознать в человеке колдуна или колдунью помогают некоторые необычные детали, замеченные в доме хозяина. Например, необычные вещи в доме колдуна или колдуньи: *«кружка, наполовину наполненная водой, наполовину сажей»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980г. шифр 80-2), *«в рукомоинке головешка»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980г. шифр 80-2). Как правило, информант не сомневается в правдивости выводов и достоверности сказанного.

Встреча происходит в обычной бытовой обстановке. Колдунья может прийти к человеку под обычным предлогом: *«однажды пришла попросить яиц»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980г. шифр 80-2, Зарубина Евдокия Васильевна), *«пришла она и яйцо просит. Дала ей яйцо...»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980г. шифр 80-2, Болотова Анна Александровна).

Былички о колдунах/колдуньях можно разделить на несколько групп в зависимости от характера их действий:

- ведьмы (колдуньи), оборачивающиеся в животных: кошку, свинью, собаку, овцу, сороку;
- колдуны/колдуньи, наводящие порчу на человека или домашних животных;
- ведьма наказывает за невыполнение ее просьбы.

Ведьмы, превращающиеся в предметы и животных

Данные сюжеты, судя по материалам, имевшимся в нашем распоряжении, наиболее частотны. Сюжет строится по единой схеме: информанты сообщают о перевоплощении колдуньи в какое-либо животное: *«здесь женщина одна оборачивалась свиньей»* (Кировоградский район, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-6, Кузнецова Екатерина Григорьевна); *«сначала наряжалась как человек, потом лошадью стала»* (Невьянский район, п. Калиново, 1980г., шифр 80-51, Карачева Анастасия); *«женщина тут была, которая оборачивалась сорокой»* (Кировоградский район, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-6, Клочков Яков Афанасьевич).

Обстоятельства, процесс превращения не описываются.

Далее следует повествование о разоблачении ведьмы: *«старуху выследил... поймал лошадь...попросил подковать.. на следующий день увидели у старухи на руках подковы»* (Свердловская область, с. Быньги, 1981 г., Быкова Вера Семеновна), *«поймали эту свинью, затащили в кузницу, подковали...нашли женщину, у нее от подков и в руках и в ногах гвозди остались»* (Кировоградский район, г. Верхний Тагил, 1980г., шифр 80-6, Кузнецова Екатерина Григорьевна); *«бывало стукнут по морде-то лошадиной, а на завтра у ей морда-то покарябана, так и узнают...потом ей ухо кто-то обрезал. Ходила без уха эта Малашка»* (Невьянский район, п. Калиново, 1980г., шифр 80-48, Есина Дарья Никифоровна); *«...навстречу ему свинья бежит. Наскочила ему на плечи. Отрезал ей ухо у нее и выкинул.*

С тех пор тетка с ухом завязанным ходила», «...женщина оборачивалась сорокой... сын проследил за этим и истыкал все пятки ей. И с тех пор эта баба ходить не могла» (Кировоградский район, г. Верхний Тагил, 1980г., шифр 80-6, Клочков Яков Афанасьевич). Зафиксирована быличка, в которой колдунья оборачивается неодушевленным предметом: *«пошел мужик через реки, через переход и видит: впереди копна сена. Это она обернулась»* (Невьянский район, п. Калиново, 1980 г., шифр 80-48, Есина Дарья Никифоровна).

Как правило, разоблачение осуществляется путем нанесения ведьме телесного ущерба, влекущего за собой последствия в виде ран, следов. Стоит отметить, что человек во всех случаях не испытывает страха, разоблачение ведьмы не приносит разоблачителю вреда.

Колдуны/колдуньи, наводящие порчу на человека

или домашних животных

Наведение порчи на человека могло закончиться не только сильной болезнью, но даже его смертью.

Для данной группы быличек характерно стремление передать слушателю ощущение опасности, подстерегающей человека в любой момент. Достигается данный эффект за счет того, что заранее опознать колдунью, наводящую порчу практически невозможно. О том, что она побывала в доме, узнается лишь через некоторое время, когда случается беда. Как правило, это происходит или в тот же день, или на следующий. Человек либо заболевает, либо умирает. Так, в одной быличке записанной в г. Верхний Тагил, информант сообщает о смерти близкого человека, после посещения их дома колдуньей: *«мужик умер от рака»* (Свердловская область г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Болотова Анна Александровна). В другом рассказе, колдунья наводит порчу на девушку, впоследствии чего та заболевает: *«наколдовала надо мной, что я сделалась как беременна, живот большой*

образовался, ... прорвало всякой всячиной» (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г. шифр 80-2, Зарубина Евдокия Васильевна). Каким образом был осуществлен процесс наведения порчи, в быличках не сообщается. Иногда человек может зафиксировать его элемент, но даже в этом случае он не понимает (не может расслышать, разглядеть и т.д.), что происходит: *«пошептала-пошептала чего-то»* (Свердловская область г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Болотова Анна Александровна).

Другая опасность, исходящая от колдунов, заключалась в порче домашней скотины.

Данная подгруппа представлена двумя рассказами о встрече человека с колдуном, который наводит порчу на лошадей. В одной быличке человеку пересекает дорогу колдун, после чего у него гибнет лошадь: *«колдун-то дорогу и перешел. А он домой приехал, лошадь-то у него сразу и пала»* (Кировоградский район, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-6, Клочков Яков Афанасьевич). Быличка состоит из одного эпизода встречи с колдуном, никаких деталей описания его внешности или других особенностей мы не находим. В другом рассказе человек не может разобраться в причине гибели своих лошадей: *«как ни купит – та падет»*. Встретившаяся ему цыганка сообщает о порче, совершенной колдуном: *«Иди, - говорит, выкопай у себя под колодой кобылиную голову... кто это сделал, придет просить прощения»*. В данном рассказе порчу колдуна снимает цыганка – персонаж, также в народном сознании и, причастный потусторонним силам (цыганки умеют гадать), а сам колдун появляется после разоблачения: *«И правда, явился к нему этот колдун и стал просить прощения»* (Кировоградский район, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-6, Клочков Яков Афанасьевич). В данном случае действие порчи удалось прекратить, обнаружив заговоренный предмет.

Ведьма наказывает (насылает порчу) за невыполнение ее просьбы

В отличие от предыдущих рассказов, в текстах этой подгруппы представлена мотивация действий колдуньи. Отказ человека выполнить ее просьбу влечет неминуемую расплату в виде порчи. Обстоятельства звучат следующим образом: *«не пошла»*, *«как отказала ей, так и ...»*. Последствия носят негативный характер, в одном случае: *«слепнуть стала»*, в другом – *«куры вывелись»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Зарубина Евдокия Васильевна).

При наведении порчи на ту или иную жертву, человека или животное, колдуны использовали обычные предметы быта.

1.3. Персонажи из потустороннего мира

В первой части в центре нашего внимания были былички о демонах, живущих рядом с человеком, либо людях, ведущих обычный образ жизни, но обладающих сверхъестественными способностями. Не менее распространены сюжеты о встрече с потусторонними существами, тем или иным способом пересекающими границу между земным и иным миром. Если в быличках о мифологических персонажах рассказчики, как правило, ясно понимают, с кем они имеют дело, то в данной группе текстов речь идет о соприкосновении с существами загадочными, не вполне ясными человеку, но способными своими действиями вмешаться в его жизнь. Это рассказы о *бесах, загадочных животных, неизвестном объекте*.

Былички о «ходячих» мертвецах

Один из самых частотных персонажей в проанализированных нами быличках - «ходячий» покойник. Как отмечает Е.Е. Левкиевская, «образ “ходячего” покойника является частью общеславянского круга мифологических персонажей, возвращающихся в мир живых» [Левкиевская 2013: 33]. Данный образ наделен специфическими функциями и характеристиками, которые нам предстоит разобрать.

В качестве «ходячего» покойника в уральских быличках, как правило, фигурируют умершие родственники, которые приходят к своим близким, а также женихи, которые «ходят» к своим невестам. Предстают мертвецы перед человеком в различных обликах. Зафиксированы тексты, в которых мертвец наделен зооморфными чертами, которые, по-видимому, призваны подчеркнуть его чуждость земной реальности. Так, в одной быличке к жене приходит муж *«красный-красный... руки расставил и хвост телячий...»* (Невьянский район, п. Таватуй, 1980 г., шифр 80-52, Федоров Павел Алексеевич), в другой - *«муж каждый день стал ходить в виде собаки»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-35, Попова Екатерина Ионовна). Однако в большинстве случаев покойник является в своем человеческом облики. В таком случае признаком его потусторонности являются особые детали одеяния, в частности – доминирование белого цвета: *«всегда в белом приходила»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-35, Попова Екатерина Ионовна); *«рубаша в крапинку и борода длинная белая»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна); *«пришла мама в белом платье с цветками»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Аверина Таисия Михайловна), *«во всем белом прыгает»* (Невьянский район, п. Таватуй, 1980 г., шифр 80-52, Федоров Павел Алексеевич), *«высокий человек в белом»* (Невьянский район, п. Верх-Нейвинск, 1981 г., шифр 81-47, Новикова Татьяна Егоровна).

Мертвец в устных рассказах не всегда предстает перед человеком в видимом облики. Встречаются былички, в которых мертвец выдает свое присутствие громкими звуками или голосами: *«повернись – никого не видно, а то опять говорят. И голос того парня (умершего) чудится»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-7, Крутикова Мавра Григорьевна). Иногда мертвец обнаруживает свое присутствие в доме ночными звуками (стук посуды, скрип дверей, калитки и т. п.).

Следует отметить, что главная особенность поведения персонажа - он перемещается в пространстве, «ходит», «прыгает», «идет», «летает». Иногда он «стоит» перед близкими. Явление умершего может быть мотивировано: умерший является к своим родным, которые по нему чрезмерно тоскуют: *«ко мне пришла мама покойная»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Аверина Таисия Михайловна); *«брата схоронила два года назад...вижу, идет он ко мне»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-34, Чистякова Таисия Константиновна).

Вариантами данного мотива является сюжет о том, как мертвец является с любовными притязаниями к своей жене: *«тосковала по мужу, так шел к ней»* (Невьянский район, п. Таватуй, 1980 г., шифр 80-52, Федоров Павел Алексеевич). Он может пытаться забрать с собой близкого человека: *«стоит и смотрит, манит меня к себе»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна); *«мать хотела убить девочку»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Меринова Валентина Емельяновна); *«сам отравился...это его мать заманила»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982г., шифр 82-7, Крутикова Зинаида Николаевна).

Последствия встречи с мертвецом обычно не наносят человеку вреда. При встрече с ним люди чаще всего пугаются. Лишь в одной быличке, записанной в с. Быньги, приходившая к своему сыну умершая мать «заманивает» его к себе: *«Один раз сказал, что пошел поросенка кормить, а*

сам и отравился. Это его мать заманила» (Невьянский район, с. Быньги, 1982г., шифр 82-7, Крутикова Зинаида Николаевна).

В проанализированных нами быличках для защиты от «ходячего» покойника и прекращения его посещений не исполнялись никакие особенные ритуалы. В одном случае, человек использует для защиты молитву, в другой – избавляется от вещи покойника. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в области изучения обрядов и ритуалов, в которых подчеркивается значимость этого момента (избавление от вещей покойника, чтобы не являлся). В подавляющем большинстве человек не использует никаких оберегов. Испугавшись мертвеца, человек начинает кричать или убегать, после чего видение исчезает. Встреча с мертвецом всегда неожиданная.

Часто мертвец вступает в диалог с человеком, задает вопросы. Так, один мертвец спрашивает: *«Чего не крестишься?»* (Невьянский район, п. Верх-Нейвинск, 1981 г., шифр 81-47, Новикова Татьяна Егоровна). Или мертвец побуждает человека на действие: *«иди взад пятками и хватай, что под руку попадет»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Меринова Валентина Емельянова). В другом случае покойник приветствует своего родственника: *«Здравствуй сестра!»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-34, Чистякова Таисия Константиновна). Интересна быличка, в которой ночью покойник бегал по деревне и стучал в окна всех домов: *«На похороны-то ко мне придете?»* (Очерский район, д. Кичаново, 1980 г., шифр 80-61, Годовалова Татьяна Ивановна).

Особой разновидностью быличек о потусторонних посетителях являются рассказы о призраках. Сюжет их сводится к одной схеме. Ночью в дом к человеку является привидение в человеческом облики. В одной быличке к женщине приходит такой призрак в образе ее мужа: *«лежу в кровати...вдруг слышу, кто-то по плечу тихонько хлопает... обернулась муж мой стоит...»* (Шалинский район, д. Платоново, 1983 г., шифр 83-1,

Сайфутдинова Варвара Марковна). В другой: *«смотрит на меня солдат в шлеме с черной звездой...лицо большущее и белое»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-24, Борноволокова Ирина Ильинична).

Призраки пугают людей, манят пойти за ними вслед, боятся молитвенных слов, или когда им смотрят в глаза: *«начала про себя молитву читать...уже никого нет», «я ему в глаза посмотрела...он к печке стал пятиться...и он исчез».*

Былички о черте

Чёрт всегда несёт в себе зло, он никогда не выступает в качестве помощника, как, например, иногда леший. Это опасное зло, которое стремится навредить человеку: напугать, «завести» и даже убить. Нами зафиксирован только один случай, когда черт предстает пугливым, безобидным существом (1 быличка).

Былички о черте отличаются большим разнообразием: облик персонажа, характер его действий, обстоятельства встречи, ее последствия не стереотипизированы. Чёрт может явиться как в антропоморфном образе (мужчины, покойного мужа), так и в образе животного (коня). Например, в Ачитском районе было записано со слов информанта следующее описание внешности черта: *«весь белый, небольшой»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1981 г., шифр 81-32, Суворова Полина Фроловна). В другой быличке, черт предстает перед человеком в другом облике: *«сам черный и хвост длинный черный»* (Невьянский район, п. Калиново, 1980 г., шифр 80-51, Карачева Анастасия).

В отличие от домового и лешего, образ которых связан с определенным реальным локусом (домом, лесом), черт может появляться где угодно – в лесу, на улице, в поле, дома, в бане, квартире и т. д.

Момент встречи всегда происходит в темное время суток (поздний вечер, полночь).

Черт встречается человеку в образе коня

Сюжет прост: человек ищет потерявшуюся лошадь в лесу, находит, а это не лошадь, а черт. Подозрение возникает, поскольку в облике лошади обнаруживается определенная неправильность: *«посмотрел ей на копыта – они длинные и ноги у лошади были длинные...»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1981 г., шифр 81-32, Соловьева А.П.). Окончательная проверка – совершение ритуального жеста: *«перекрестился, и конь исчез, ...это был черт»*.

Черт является в образе покойника

В быличке, рассказанной в г. Невьянске, говорится о том, что ночью к женщине в дом приходит мертвец: *«он встал и лег к ней»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Аверина Таисия Михайловна), просит обнять его.

Распознать в покойнике черта помогает одна деталь: *«обняла его, а у него **спины нет**, ...у всех чертей спины нет»*. Снова признаком, позволяющим опознать черта, является ненормальность в его внешнем облике – отсутствие спины.

Человек обнаруживает черта в бане

Здесь черт представлен пугливым существом, при появлении человека *«спрыгнул со скамейки и бежать»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1981 г., шифр 81-32, Суворова Полина Фроловна). Рассказчик становится

свидетелем того как *«на лавке-то черт сидит»*. В данном случае признак ненормальности происходящего – появление *«белого, небольшого»* существа в бане, месте, где такая встреча маловероятна. Как известно, баня – место обитания банника – мифологического персонажа. Но банник, как и его собратья (леший, домовый) избегает встречи с человеком, не любит попадаться ему на глаза. Черт же явно стремится именно обнаружить свое присутствие. Результат его действий – эмоциональный шок: *«а я вся остолбенела»*.

Черт душил во сне

Сюжет заключается в том, что ночью в квартиру является черт *«вдруг дверь отворяется и черт заходит,...сам черный и хвост длинный...»* (Невьянский район, п. Калиново, 1980 г., шифр 80-51, Карачева Анастасия) и душил человека: *«утром парнишка мертвый оказался»*.

Черт пьяного водит

В данном случае черт встречается на улице ночью *«пьяному мужику»* в образе человека (мужчины), без каких-либо особенностей внешности или поведения и предлагает проводить.

Распознать в мужчине черта удастся случайно: *«вдруг холодно стало...я возьми да и скажи: «Господи, благослови, холод-то какой», глядь - а друга то не стало... а я на навозной куче сижу»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 79-2, Ждановских Геннадий Иванович). Тем самым защитой и оберегом от нечистой силы в лице черта стали эти слова: *«Господи, благослови»*.

Былички о чертовке

Данный персонаж встречается всего в двух быличках, записанных в Свердловской области. Чертовка представлена в женском облике, с длинными волосами, которая встречается человеку в темное время суток, у пруда или другого водоема.

В описании портрета стоит отметить несколько важных деталей: *«волосы длинные, почти до самой воды,...с виду, как женщина, но ног не видно»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-33, Ярушина Таисия Ивановна); *«чертовка сидит на коряге и голову чешет...волосы длинные-длинные, да по водер аскинулись»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-7, Крутикова Мавра Григорьевна).

Встреча происходит случайно, обстоятельства встречи носят характер неожиданности и внезапности: *«идет он через мосток, и **вдруг** видит как чертовка на коряге сидит...»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-7, Крутикова Мавра Григорьевна); в другом случае, чертовка неожиданно *«всплыла»* (Ачитский район, с. Афанасьевское, 1980 г., шифр 80-33, Ярушина Таисия Ивановна).

Примечателен тот факт, что описание внешности и обстоятельства встречи с чертовкой абсолютно идентичны тем, что мы рассматривали в отношении лешачихи. Отсюда следует, что одного и того же персонажа на одной территории называют по-разному. Персонаж обладает теми же функциями и располагается в пределах одного локуса (река, озеро, пруд). Можно сделать вывод, о том, что чертовка, лешачиха, русалка имеют в народе одинаковые признаки, индивидуальность каждого из этих персонажей стирается исходя из трансформации описываемых явлений.

Также среди текстов сказочной прозы находим быличку о встрече с человека с *бесом*. Такой текст следует относить к быличкам о черте. Появление беса в доме сопровождается громкими звуками и сменой погоды: *«Стук! Стук!»*, *«поднялся ветер, молнии засверкали...»* (Свердловская

область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна). Бес описан в быличке, как злой демон, желающий похитить ребенка: *«чуть ребенка длинная рука не выхватила»*.

Былички о встрече с неопознанным персонажем

Среди проанализированных нами текстов выделяется особая группа рассказов о встрече с персонажами, оставшимися неопознанными.

Персонажи суеверных рассказов этой группы представлены неоднозначно и требуют подробного анализа. В них рассказчик описывает явление или образ, не конкретизируя его и не вполне понимая, с кем он имеет дело. Признаком неуверенности является использование неопределенных местоимений: *«кто-то раздевает меня, прямо тянут с меня одежду»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Сидоров Иван Матвеевич); *«кто-то душит, а проснуться не могу»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-13, Маркина Елизавета Федоровна). Иногда обозначение персонажа вообще отсутствует: *«идет, за ним бежит вслед, бежит с шумом»* (Невьянский район, п. Калиново, 1980 г., шифр 80-35, Вдовина Евдокия Ивановна). Иногда рассказчик дает обобщенное обозначение того или иного образа или явления, возникающего перед ним, без видовой конкретизации: *«это нечиста сила»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 81-10, Алушиц Агрипина Осиповна); *«вот ко мне нечистая сила приходила»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Сидоров Иван Матвеевич); *«это была небожья сила»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 81-13, Быкова Вера Семеновна).

Встречи с такими неясными персонажами происходят обычно ночью или в темное время суток, застают человека врасплох и, как правило, влекут за собой негативные последствия: *«а на утро заболела я»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-13, Маркина Елизавета Федоровна).

Иногда неведомые существа могут принимать форму конкретных предметов: *«головешка с руку величиной, с хвостом, а из хвоста искры сыплются... вся виляет, виляет»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна); *«белый ком... как будто сало»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Глинских Клавдия Григорьевна); *«вонючее такое, черное, оказался ком масла...»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1980 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна). Появление таких предметов сопровождается шумом, громкими звуками. Человек испытывает чувство страха перед необъяснимым явлением. Иногда предмет на глазах человека трансформируется: *«летит головешка...это окаянный летел и в трубу упал... встал...а он весь мохнатый, ноги петушьи»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Аверина Таисия Михайловна). Защитой от таких персонажей служит прочтение молитвы.

Подводя итог рассуждениям в данном разделе, мы делаем вывод о том, что в целом сюжеты уральских быличек не имеют особых отличительных черт в сравнении с общерусской традицией. Однако состав мифологических персонажей довольно специфический, связан он с их численной ограниченностью. Мы не встретили ни единого сюжета о таких древнейших представителях нечистой силы, как овиннике, баннике, кикиморе. Отсутствуют сюжеты о кладах. Чем объясняется такая ограниченность количества персонажей? Мы полагаем, что причин может быть несколько.

Во-первых, можно предположить, что ко второй половине XX века в была значительной степени утрачена вера во многих представителей нечистой силы. Мы можем сделать вывод о том, что вера в этих персонажей просто ушла. Но в таком случае возникает вполне закономерный вопрос - почему же тогда вера в домового, лешего, лешачиху, черта, колдунов так прочно сохранилась в текстах уральских быличек? Отметим, что сохранились верования в демонов, которые связаны с двумя довольно четко

локализованными типами пространства: дом и пространство села (деревни), так сказать пространство домашнее, с которым человек имеет дело постоянно и ежедневно. И лес – пространство, с которым жители уральских поселков также связаны очень сильно. Лес окружает большинство уральских поселков и деревень, в лесу добываются ягоды, грибы. В лесу часто располагаются покосы – источник необходимого для домашнего скота пропитания. Лес – место для охоты. Наконец, лес снабжает уральцев древесиной для строительства и отопления жилища. Но специфика уральского поселка заключается в том, что его население, как правило, добывает средства для существования не крестьянским трудом, а работая на близлежащих рудниках, шахтах, малых и крупных заводах. Как правило, такие производственные предприятия располагаются вблизи небольших, но быстрых уральских речек, наличие рудничной или заводской плотины, небольшого пруда характерны уральского поселка. Отсюда – популярность образа лешачихи, тесно связанного с водой. Отметим, что в то же время практически отсутствует образ водяного. Мир уральского жителя довольно сильно отличается от мира крестьянина среднерусских областей. А потому и многие традиционные для общерусской традиции персонажи оказались не востребованными авторами быличек. Таким образом, особенности быта, образ жизни региона накладывает свой отпечаток на систему образов в фольклорном жанре. Разумеется, данный вывод нуждается в дальнейшей проверке.

ГЛАВА 2. НОВАЦИИ В УРАЛЬСКОЙ БЫЛИЧКЕ

Быличка как жанр сказочной прозы имеет свою историю становления, развития и распространения и как следствие неминуемой закономерной трансформации. В процессе эволюции сюжетные мотивы подвергались обобщению, представления о конкретных лицах и подлинных фактах забывались, оставались лишь общие схемы. Под влиянием исторически сложившихся обстоятельств менялось мироощущение и миропонимание людей, по-новому выстраивалась сложная взаимосвязь «человек-природа». В то же время традиция, из которой черпаются различного рода убеждения, суеверия, религиозные представления и т.д., не уходила полностью, но вступала в сложные взаимоотношения с новациями.

Необходимо учитывать также географические особенности, традиции отдельных регионов. Об этом свидетельствуют работы таких исследователей как А.И. Лазарев, который отмечал: «К моменту интенсивного заселения Урала русскими, т.е. к XVIII веку, в русской народно-поэтической традиции заметно угас интерес к мифологическим преданиям, пытавшимся дать объяснение «таинственным» силам, действующим в природе и обществе. Здесь в течение двух столетий (XVIII и XIX вв.) ни один путешественник не слышал рассказов о князьях киевских и новгородских, о татаро-монгольских завоевателях, о московских царях, “опричь” Ивана Великого – обо всем, что так или иначе отразилось в русском народном поэтическом творчестве из истории до Петра I можно подумать, что сознание русских людей, пришедших на Урал, отступило на целое тысячелетие» [Лазарев 1985: 28]. Таким образом мы можем говорить о "потенциальной реверсивности фольклорного сознания" ушедшие в прошлое жанры, сюжеты и мотивы

могут быть вновь востребованы, актуализированы, адекватно отвечая на изменение социокультурных условий своего существования.

Исходя из этого, вопрос трансформации жанра былички мы будем рассматривать в трех основных аспектах. В первую очередь, проанализируем мифологическое представление о демонических персонажах в ряде текстов уральских быличек. Здесь важно отметить, происходит ли отождествление с представителями общерусской традиции, происходит ли слияние образа с другими мифологическими персонажами. Во-вторых, рассмотрим отношение повествователя к описываемым событиям в быличке. Нас интересует насколько пошатнулась установка на достоверность в сознании современных рассказчиков. Ну и наконец, проследим трансформацию в сюжетной линии былички и наличие там элементов других жанров.

2.1. Изменения в образах традиционных мифологических персонажей

В проанализированных нами быличках мы наблюдаем тенденцию к трансформации. Речь идет не о большом количестве текстов подверженных изменению, а отдельных единичных рассказах. Главным образом, вопрос возник при анализе нескольких текстов записанных на территории Свердловской области, в которых описывается встреча человека с лешачихой (как называет ее сам рассказчик). Поведение данного персонажа в момент встречи с человеком во всех проанализированных быличках носит одинаковый характер. Увидев человека, она незамедлительно бросается в воду: *«увидит, упадет в воду, вода от нее мутится и круги идут»* (Свердловская область, г. Невьянск, 1981 г., шифр 81-1, Бороздина Фекла

Иосивна); *«увидала его и в воду, одни зеленые волосы мелькнули»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 г., шифр 80-2, Корюкова Мария Николаевна).

Во-первых, стоит отметить, что образ лешачихи здесь тесно связан с водой. Мы думаем, что здесь можно говорить о специфической трансформации общерусского образа русалки. «РУСАЛКИ, купалки, водяницы, и другие, в славянской мифологии существа, как правило вредоносные, в которых превращаются умершие девушки, преимущественно утопленницы. Представляются в виде красивых девушек с длинными распущенными зелёными волосами (ср. южнославянских вил, западноевропейских ундин), реже — в виде косматых безобразных женщин (у северных русских). В русальную неделю, следующую за троицей, выходят **из воды**, бегают по полям, качаются на деревьях, могут защекотать встречных до смерти или увлечь **в воду**» [Мелетинский 1990: 466]. У Н. И. Криничной мы находим следующее описание: «Женской ипостасью этого персонажа является водяница. Некогда это архаическая предшественница данного духа-«хозяина». В поздней же традиции она обычно осмысляется в качестве его жены. Изображается примерно так же, как и водяной: длинные-длинные черные волосы, а она сидит, волосы чешет, кудрявые... вместе с тем в северорусской традиции водяница тождественна русалке...» [Криничная 2004: 326]. Примечателен тот факт, что описание внешности и обстоятельства встречи так же идентичны и не отождествляются с быличками о русалках. Отсюда следует, что одного и того же персонажа на одной территории называют по-разному. Персонаж обладает теми же функциями и располагается в пределах одного локуса (река, озеро, пруд).

Интерес вызвала еще одна быличка, которая зафиксировала, как ночью к девушке приходит лешачиха забрать свой **гребень**, который был подобран той самой девушкой. Описание внешности лешачихи отсутствует. Особенность данного текста заключается в том, что придя в дом к человеку,

лешачиха вступает с ним в диалог: «*Зачем взяла мой гребень? Раскатаю твою избу*» (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-7, Данилова Мария Куприяновна). Получив желаемое, она оставляет человека в покое.

Мотив гребня считается русалочьим, об этом свидетельствуют многочисленные упоминания в научной литературе и непосредственно записи приведенных в ней быличек. Важно отметить, что в конце рассказа, мы находим очень важную деталь - информант выражает свое отношение к рассказу: «*А люди-то верили*». Глагол «верили» употреблен в прошедшем времени, что свидетельствует о неактуальности и недостоверности сказанного в данный момент.

Теряя один из главных принципов построения устных суеверных рассказов – установку на достоверность, можно предположить, что тем самым, лешачиха приобретает черты сказочного персонажа.

В другой быличке находим специфическое описание встречи с чертовкой: «*Брат-то у меня был. А однажды пошел он в другую деревню. А темно-то уже было. Так вот. Идет и вдруг видит, как чертовка на коряге сидит и голову чешет. А гребень-то красный-красный, а волосы-то длинные-длинные, да и по воде раскинулись. Сидит и его-то как не замечает. А он как свистнул, а она в воду. И все...*» (Невьянский р-н, с. Быньги, 1982 год, шифр 82-7 Информант: Крутикова Мавра Григорьевна). В данном случае происходит замена общерусского образа на специфический образ чертовки, которая приобретает все свойственные для русалки черты, описанные нами ранее.

Несвойственным для лешачихи, согласно общерусской традиции, является и появление ее в избе. Мы находим единичное подобное упоминание. Рассказ отличается стремительностью и немотивированностью: «*из-под лавки вылезло... да как кинется в дверь...*» (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 год, шифр 79-2, информант: Ждановских Геннадий Иванович). Прежде всего, обращает на себя внимание обозначение пола:

если в большинстве приведенных текстов лешачиха однозначно представлялась существом женского пола, что в данном тексте обозначение колеблется между средним полом («что-то», «вылезло») и женским («*видно лешачиха в избе ночевала*»). Облик демона предельно неясен – «что-то мохнатое». Относится ли определение «мохнатое» к волосам, или это шерстяной покров на теле – неясно. Не проявлена четко ни антропоморфность, ни зооморфность персонажа. Неуверенность звучит и в конечном выводе, сформулированном в форме предположения: «*видно лешачиха в избе ночевала*». Рассказчик не уверен в том, что существо, которое он видел – именно лешачиха. Отмеченные нами противоречия, как и неуверенность рассказчика, ставят данный текст особняком в общей группе быличек о лешачихе.

Из этого следует, что образ лешачихи сильно подвержен изменению в современных записях уральских быличек. Можно сделать вывод, о том, что лешачиха, чертовка и русалка имеют в народе одинаковые признаки, индивидуальность каждого из этих персонажей стирается исходя из трансформации описываемых явлений.

2.2. Размывание установки на достоверность

Если в случае замещения и наделения одного образа характеристиками другого мы наблюдаем единичные упоминания и можем говорить лишь о тенденции к трансформации образов, то далее речь пойдет о более частотном в суеверных рассказах моменте - разрушение установки на достоверность. Неотъемлемой частью быличек является вера в

сверхъестественные силы с привязкой к древнейшим мифологическим образам. Утрата веры может привести не только к трансформации жанра, но и к исчезновению былички в целом в связи с разрушением основополагающего звена. Здесь важно выделить два ключевых момента: рассказчик дает описание какого-либо явления, не понимая о чем или о ком говорит, пытаясь дать какое-либо логическое объяснение происходящему, либо совсем не верит в то, что рассказывает, ссылаясь на давность происходящих событий.

Рассмотрим группу рассказов, которая в отличие от остальных отрицает мифологическое начало описываемых образов. Здесь персонаж предстает в образе человека (мужчины или женщины), а рассказчик пытается объяснить увиденное логически, об это свидетельствует большое количество вопросительных предложений: «*что делать?*», «*куда девался?*», «*что она там сидит?*» и т.д. Сказитель не сводит необъяснимое явление к суеверным мотивам. Важно, что функция персонажа здесь отсутствует. Он не пытается напугать, не взаимодействует с человеком, не вредит. В рассмотренных нами рассказах, персонаж «*сидит женщина за кустом и выглядывает, ... глаза большие светятся*». (Невьянский район, с. Быньги, 1982 г., шифр 82-7, Крутикова Мавра Григорьевна). Другой текст: «*А однажды я спала. И вот открываю глаза, а передо мной мужчина наклонился. Сидит и смотрит, даже глазом не моргнет. Темно уже было, а глаза-то его я видела хорошо. Что делать? Страшно ведь. Я со всего маху как шабаркнула, а у него и тела-то вроде нет. А потом исчез. Куда девался?*» (Невьянский район, с. Быньги, 1982год, шифр 82-7, информант: Крутикова Мавра Григорьевна). В эту же группу отнесем следующий рассказ: «*У меня раньше печка вот здесь, у двери, была. Это потом мы ее переложили. Так вот однажды смотрю я, а у печки женщина стоит, шалью повязана. А было это почти перед утром, да двери, окна вроде закрыты. Я встала, а она и убежала. Я все проверила – все закрыто. А как прошла – не*

знаю». Отношение к увиденному во всех описываемых случаях одинаково, автор недоумевает, задает вопросы, пытается найти логическое объяснение и мы видим, что никакой отсылки к суеверным верованиям здесь нет.

Важно отметить еще несколько быличек, в которых человек верит в то что видит, но связывает эти события с собственными догадками: *«...сплю я ночью и вдруг чувствую, что кто-то душит меня. А проснуться-то не могу. А мать мне говорила, что надо слова какие-то говорить. Я хочу вспомнить, а не могу. А он все душит. Страшно. А потом вспомнила слова-то: «К добру или к худу?». А голос-то отвечает: «К худу, худу, худу...» И сразу легко стало. А на утро-то заболела я. Это видно сила какая-то предупреждала меня»* (Невьянский район, с. Быньги, 1982 год, шифр 82-13, информант: Маркина Елизавета Федоровна). Можно сделать вывод и об отсутствии религиозных представлений *«какая-то сила»*, а слова *«мать говорила»* отсылает к представлениям о подобной силе в прошлом, о которой знали, верили и умели противостоять (наличие специальных слов).

Или в другом случае, *«кто-то навалился и начал душить»*, но человек при этом понимает, что столкнулся с нечистой силой и произнеся *«Аминь!»* она отступает. Интерес представляет реакция, сопровождающая догадками о возможном представителе этой силы: *«А был, наверно, домовой»*

(Свердловская область, п. Шиловка, 1981 год, шифр 81-63, информант: Дегтярева Агафья Парамоновна).

Другая группа включает в себя тексты с выраженной тенденцией к разрушению установки на достоверность. Здесь автор сомневается или вообще не верит в описанные события. Он пересказывает услышанное когда-то давно от знакомых, друзей или родственников. *«У меня паренек жил на квартире, так он рассказывал, что поехал он с другом на мельницу, да и решили там заночевать. Друг-то его лег к двери, а сам он к окошку. Вдруг дверь отворяется и заходит черт, сам черный и хвост длинный черный. Он и задушил его друга. Не знаю, правда ли, что черт был, а*

парнишка утром мертвый оказался» (Невьянский район, п. Калиново, 1980 год, шифр 80-51, информант: Карачева Анастасия).

В другой быличке о встрече с домовым важен комментарий рассказчика: *«Мне кажется – это я просто на руку неловко лег – затекла»* (Свердловская область, г. Верхний Тагил, 1979 год, шифр 79-2, информант: Ждановских Геннадий Иванович).

Важно отметить комментарий одного сказителя: *«не показалось ли»* (Шалинский район, д. Крюк, д. Платоново, 1983 г., шифр 83-3, Солодова Зоя Ивановна), который свидетельствует нам о неоднозначном отношении к своему рассказу.

«...в сараях-то были дыры, и вот мы глядим, а там весь в белом прыгает, то туда, то сюда. Привиделось, видно» (Невьянский район, п. Таватуй, 1980 год, шифр 80-52, информант: Федоров Павел Алексеевич). Подобные комментарии находим еще в ряде текстов, в которых мы находим признак неуверенности рассказчика в истинном понимании произошедшего: *«не знаю, правда ли, что черт был...»*. Человек рассказывая эту историю, так же как и в предыдущем случае дает свой комментарий: *«раньше верили в то, что пьяных черти возят»*. Стоит отметить что рассказчик подчеркивает, что вера в сверхъестественные силы существовала в прошлом.

С течением времени былички, как и многие другие фольклорные жанры претерпели немало изменений, на что в значительной мере повлияли социально-политические преобразования, кризис традиционной культуры, естественные факторы исторического развития: смена поколений, интересов, научные ориентиры в развитии страны и общества. Одни жанры из ряда актуальных и продуктивных с течением времени переходят к непродуктивным и вовсе теряются во множестве новых мотивов и сюжетов.

В ходе нашей исследовательской работы мы встретили немало текстов быличек, находящихся в «переходной зоне». Они относятся к правдивым

коротким рассказам о встрече человека с нечистой силой, но среди них мы уже наблюдаем потерю того или иного жанрообразующего звена. В одних быличках мы встречаем замещение общерусского образа русалки лешачихой или чертовкой, что связано с размытием представления о мифологических и религиозных традициях. В других - мы видим, что рассказчик и вовсе не может идентифицировать представителя нечистой силы. В некоторых напрочь разрушена установка на достоверность, тем самым переводя рассказ из жанра несказочной прозы в выдуманную страшилку или вовсе сказку.

Мы можем предположить, что былички записанные в период с 1979-1987г. демонстрируют уже намеченную тенденцию к трансформации жанра. Мы не можем говорить о распаде жанра или переходе его в сказочную прозу, т.к. наиболее частотными все же являются упоминания быличек с традиционными сюжетами. А это значит, в памяти людей живет вера в потусторонний мир, образы духов природы и демонических существ надежно закреплены в сознании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге проделанной работы мы пришли к следующим выводам.

Быличка во второй половине XX века сохранила положение активно бытующего на Урале жанра. Однако она до сих пор остается недостаточно исследованной, что является причиной разного рода дискуссий и споров в среде специалистов. Отсюда вытекает настоятельная необходимость постоянного введения в научный оборот новых материалов. Это позволяет существенно уточнять представление как о жанровой специфике былички, так и о ее динамике. В то же время важно в процессе исследования современного состояния жанра постоянно иметь в поле зрения ту модель, которая сложилась в народной традиции на протяжении многих веков. Необходимо выяснить, насколько современная быличка близка архаическим формам, какие изменения претерпел в XX веке ее художественный мир, система образов, поэтика? Наконец, важно учитывать и особенности бытования жанра в условиях конкретных регионов, поскольку образ жизни населения в них может существенно влиять на поэтику и динамику жанра.

Анализ текстов быличек, записанных участниками фольклорных экспедиций и хранящихся в фольклорном архиве УрГПУ позволил нам увидеть следующее.

На протяжении всего периода экспедиций зафиксировано довольно устойчивое бытование былички как одного из репрезентативных на Урале жанров сказочной прозы. Система быличных образов отличается стабильностью. Мы выделили 3 основные группы: былички о встрече с такими традиционными мифологическими персонажами как домовой,

леший, лешачиха; былички о колдунах и колдуньях; былички о встрече с персонажами из потустороннего мира. Благодаря такой классификации мы смогли отметить определенную ограниченность персонажей в уральской быличке: самыми распространенными в ней персонажами являются домовая, леший, лешачиха, колдуны и колдуньи, мертвецы, черт. Об этом свидетельствует частотность их упоминания в текстах уральских быличек. В то же время практически отсутствуют такие характерные для общерусской традиции персонажи, как водяной, овинник, банник, кикимора, русалка. Мы предполагаем, что такая ограниченность объясняется особенностями быта и трудовой деятельности носителей фольклора на Урале: здесь затруднен, а порой и вообще отсутствует образ жизни, характерный для крестьянина. Жители уральских поселков, как правило, трудятся на близлежащих рудниках, шахтах, малых и больших заводах. Огород, покос играют роль подсобного хозяйства, но не являются основными источниками пропитания. А потому художественное пространство уральской былички четко локализуется в границах привычного быта: дом, улица поселка, заводская или рудничная плотина, заводской пруд. В это пространство входит и лес – источник охотничьей добычи, древесины, грибов, ягод. Отсюда – состав быличных демонов. Востребованы персонажи, закрепленные именно за этим пространством. Данное предположение нуждается в подтверждении в процессе дальнейших исследований.

В то же время мы отметили довольно устойчивое сохранение традиционных для жанровой модели способов построения сюжета, повествовательных форм, введения приемов, помогающих успешно выполнять информативную функцию жанра, ориентированного на создание впечатления полной достоверности сообщаемых сведений.

Однако нами замечена и тенденция к ослаблению информативной функции жанра. Так, мы обнаружили тенденцию к разрушению установки на достоверность, которая проявляется как в размывании представлений

рассказчика о мифологических персонажах-героях событий, так и в стремлении подчеркнуть, что сам он не верит в рассказываемую историю. Рассказчик может закрепить рассказ за прошлым временем, что придает художественному миру произведения замкнутый характер. Утрачивается характерная для традиционной былички связь между прошлым и настоящим, событие теряет статус многократно повторяемого. Рассказчик может сообщить, что лично он не верит в то, о чем сообщает. Рассказчик может уже не понимать, о каком именно представителе нечистой силы идет речь. Иногда рассказчик ищет логическое объяснение странным событиям, не связывая их причины с традиционными мифологическими представлениями, которые воспринимаются как пустые суеверия. В результате введения в быличное повествование таких новаций побудительная причина к рассказыванию меняется – исполнитель не столько хочет научить, предостеречь, сколько развлечь слушателей занимательным рассказом.

Таким образом, на наш взгляд можно в целом говорить об ослаблении информативной функции жанра и усилении функции развлекательной, что в перспективе может привести к активизации эстетического начала, к сближению былички с жанрами открыто художественными, в частности, сказочной прозой.

Таким образом, анализ уральской былички позволяет говорить об утрате традиционных верований и спаде интереса к древнейшим мифологическим персонажам. Тенденция к жанровой трансформации, полному или частичному разрушению установки на достоверность приводит к ослаблению продуктивности жанра или его смещению в сторону жанров с более ясно выраженной эстетической функцией, в частности, жанру сказки.

Изложенные нами наблюдения и выводы нуждаются в дальнейшем углублении и развитии. Данная работа может послужить материалом для уроков словесности в средней школе, посвященных устному народному

творчеству, факультативным занятиям регионоведения, с целью расширения кругозора учащихся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбелев, С.Н. Народная проза / С. Н. Азбелев. – Москва.: Русская книга, 1992. – 608 с.
2. Азбелев, С.Н. Русская народная проза / С.Н. Азбелев // Народная проза. – Москва.: Русская книга, 1992. – С. 5-32.
3. Азбелев, С.Н. О подразделениях сказочной прозы / Сост.: Ю. Г. Круглов // Хрестоматия по фольклору - Москва.: Высшая школа., 2003 – С. 290-296
4. Азбелев, С.Н. О подразделениях сказочной прозы / С.Н. Азбелев // Русское устное народное творчество: Хрестоматия по фольклористике. – М.: Высш. шк., 2003. – С. 294-312.
5. Аникин, В.П. Теория фольклора / Аникин, В.П.— Москва: Курс лекций: КДУ, 2007. - С. 93-116.
6. Кравцов, Н.И. Русское народное поэтическое творчество / Кравцов, Н.И.— Москва: Просвещение, 1971. – С. 137-139.
7. Криничная, Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины, поверья Карелии и сопредельных областей: Исследования. Тексты. Комментарии / Н. А. Криничная. — Москва.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — 632 с.
8. Криничная, Н.А. Русская мифология. / Криничная, Н.А. Мир образов фольклора. – Москва.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.

9. Ончуков, Н.Е. Северные сказки : Архангельская и Олонецкая гг. / сборник Н.Е. Ончукова. - Санкт-Петербург. : Тип. А. С. Суворина, 1908. – XLVIII, – С. 21.
10. Померанцева, Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре./ Померанцева, Э.В – Москва.: Наука, 1975. – С. 22.
11. Померанцева Э.В. Русская устная проза./ Померанцева Э.В. – Москва.: Просвещение, 1985. – 272 с.
12. Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора. / Пропп В.Я.– Москва. : Высш.шк., 2003 – С. 60.
13. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В.Я. Пропп. – Москва.: Наука, 1976. – 248 с.
14. Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров. / Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество //Хрестоматия по фольклору. – Москва.: Высш.шк., 2003. – С. 34-36.
15. Соколов Б., Соколов Ю. Сказки и песни Белозерского края. Соколов Б., Соколов Ю. – Архангельск.: Северно-Западное книжное издательство, 1981. – 327 с.
16. Зиновьев В. П. Жанровые особенности быличек./ Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири- Иркутск: Наука, 1974. – 353– 168 с.
17. Лазарев, А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление/ А. И. Лазарев. – Челябинск,;Юж.-Урал, 1970. – С. 173-195
18. Левкиевская, Е. Е. «Полесские представления о «ходячем» покойнике»/ Левкиевская, Е. Е. // Живая старина,- 2013.-№1 – С. 33-35

19. Мелетинский, Е.М. Мифологический словарь / Мелетинский, Е.М. - Москва.: Советская энциклопедия, 1990. – С.122
20. Даль, В.И. Домовой. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль-Самара,: Арт Презент,2012. – 348 с.
21. Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / Голованов И.А. – Москва,: Флинта, 2015. – 333 с.
22. Аникин, В.П. Художественное творчество в жанрах сказочной прозы / В.П. Аникин // Русский фольклор. – Ленинград.: Наука,1972. – Т. 13. Русская народная проза. – 494 с.
23. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. / Сост. К.Шумов – Пермь: Пермское кн.изд-во, 1991. – 256 с.
24. Ефимова, Е.С. Основные мотивы русских быличек. Опыт классификации / Е.С. Ефимова // Сказка и сказочная проза. – Москва.: Наука, 1992. – С. 52-63.
25. Зиновьев, В.П. Мифологические рассказы населения Восточной Сибири / В.П. Зиновьев. – Москва.: Наука, 1987. – 270 с.
26. Зуева, Т.В. Русский фольклор: учебник для студентов и преподавателей-филологов / Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – Москва.: Флинта/Наука, 2003. – 344 с.
27. Кагаров, Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. Сборник музея антропологии и этнографии / Е.Г. Кагаров. – Москва.: Ин-т рус. яз. АН СССР, Т.8. – Л.,1929. – 374 с.
28. Кругляшова, В.П. Жанры сказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора / В.П. Кругляшова. – Свердловск: Сред.-Урал. – 1974. – 238 с.
29. Лазарев, А.И. Предания рабочих Урала как художественное явление / А.И. Лазарев. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд., 1970. –202 с.
30. Лазарев, А.И. Фольклор как искусство / А.И. Лазарев //

Материалы научной конференции по итогам научно-исследовательской работы. – Челябинск, 1962. – С. 10-16.

31. Лимеров, П.Ф. Уральская нескладочная проза / П.Ф. Лимеров. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1998. – 286 с.

32. Мазур, Л.Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) / Л.Н. Мазур // Гуманитарные науки. Вып. 13. – 2007. – № 49. – С. 34-39.

33. Мифы и легенды, были и былички, записанные юными летописцами. – Екатеринбург.: Сред.-Урал.кн.изд., 1997. – 225 с.

34. Мишанич, С.В. Устные народные рассказы: Вопросы поэтики: автореф. дисс. докт. филол. наук / С.В. Мишанич. – Москва.: МГУ, 1988. – 28 с.

35. Неклюдов, С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности / С.Ю. Неклюдов // Восточная демонология. От народных верований к литературе. Отв. ред. Н.И. Никулин, А.Р. Садокова. – Москва.: Наследие, 1998. – С. 32-38.

36. Разумова, И.А. Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра) / И.А. Разумова. – Петрозаводск.: КНЦ РАН, 1993. – 280 с.

37. Русинова, И.И. Глагольные вербальные формулы в быличках севера Пермской области / И.И. Русинова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. – 196 с.

38. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ / В.Н. Топоров. - Москва.: Искусство, 1965. – 286 с.

39. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин / Сост. В.П.Зиновьев // Локальные особенности русского фольклора Сибири. – Новосибирск.: Наука, 1985. – С. 62-76.

40. Цивьян, Т.В. Оппозиции мифологическое-реальное в поздних мифопоэтических текстах / Сост. Т. И. Свешникова. // Малые формы фольклора: Памяти Г.Л. Пермякова. – Москва.: Восточная литература., 1995.

– С. 130-143.

41. Черепанова, О.А. Мифологическая лексика русского Севера / О.А.Черепанова. – Ленинград.: ЛГУ, 1983. – 238 с.

42. Чистов, К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы / К.В. Чистов. – Москва.: Наука, 1964. – 230 с.